

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Йошкар-Ола)

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В МАРИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Для обозначения отрицательного действия, протекающего в настояще-будущем времени, в диалектах марийского языка употребляется специальный служебный глагол, препозитивно сочетающийся с неизменяемой формой знаменательного (отрицаемого) глагола, равной форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Отрицательный глагол в отличие от других знаменательных глаголов не располагает инфинитивной формой и имеет собственные только ему лично-числовые окончания.

Представим парадигму отрицательных конструкций глаголов *tola-š* 'приходить, прийти' и *konda-š* 'приносить, принести' в рассматриваемом времени, присущую диалектам, которые легли в основу литературного языка.

		Единственное число		
I спряжение			II спряжение	
1 л.	<i>o·m_tol</i>		<i>o·m_kondo</i>	
2 л.	<i>o·t_tol</i>		<i>o·t_kondo</i>	
3 л.	<i>o·k_tol ~ oye-š tol</i>		<i>o·k_kondo ~ oye-š_kondo</i>	
		Множественное число		
1 л.	<i>ona_tol ~ oḡāna_tol</i>	<i>ona_kondo ~ oḡāna_kondo</i>		
2 л.	<i>oda_tol ~ oḡāda_tol</i>	<i>oda_kondo ~ oḡāda_kondo</i>		
3 л.	<i>o·ḡāt_tol</i>	<i>o·ḡāt_kondo</i>		

Приведенным формам 3-го лица множественного числа в волжском и йошкар-олинском говорах лугового наречия соответствуют *o·k_tolep*, *o·k_konder*, в горном наречии — *a·k_tolep*, *a·k_kander*, в северо-западном — *aḡet* (~ *aḡet ~ aḡep*)*_tol*, *aḡet* (~ *aḡet ~ aḡep*)*_kantā*. Если не считать междиалектного соответствия *a ~ o* в основе отрицательного глагола, другие лично-числовые формы в диалектах марийского языка тождественны.

Сопоставление диалектных данных марийского языка позволяет сделать вывод о том, что отрицательные формы настоящего-будущего времени в волжском и йошкар-олинском говорах занимают как бы промежуточное положение между соответствующими формами лугового и восточного наречий, с одной стороны, и горного и северо-западного, с другой.

Отрицательный служебный глагол при изолированном употреблении, вне связи со знаменательным глаголом (вернее — при заместительном употреблении), в диалектах, легших в основу литературного языка, спрягается в настояще-будущем времени следующим образом: *o·ḡāt* 'я не', *oḡāt* 'ты не', *oye-š* 'он не', *oḡāna* 'мы не', *oḡāda* 'вы не',

o-γāt 'они не', здесь вычлняются окончания *-ām*, *-āt*, *-eš*, *-āna*, *-āda*, *-āt*. Форма 3-го лица множественного числа имеет соответствия в волжском и йошкар-олинском говорах — *oγeše-p* ~ *oγe-p*, в горном наречии — *a-γep*, в северо-западном наречии — *aβet*, *aγet*, *aγep*. Другие формы в диалектах марийского языка различаются в основном соответствием корневого гласного *a* ~ *o*; в 1-м и 2-м лице множественного числа северо-западного наречия не засвидетельствовано также сочетание *-γā¹*, которое регулярно выступает в других диалектах между начальным корневым *o* ~ *a*- и конечными флексийными *-na* и *-da*.

Большинство лично-числовых форм одиночно употребляемого отрицательного глагола в марийских диалектах имеет общие формальные признаки с глаголами I спряжения, ср. *šūkal-e-š* 'толкнет' и *oγ-e-š* 'он не', *šūkal-āna* 'толкнем' и *oγ-āna* 'мы не', *šūkal-āda* 'толкнете' и *oγ-āda* 'вы не', *šūka-l-āt* 'толкнут' и *o-γ-āt* 'они не'.

Специфика отрицательного служебного глагола, выступающего в сочетании со знаменательным, в марийских диалектах состоит в следующем:

1. Лично-числовые окончания 1-го и 2-го лица единственного числа, в своих основных чертах совпадающие с окончаниями других самостоятельных глаголов, выступают только в сокращенном виде, ср. *o-m* 'я не' и *ješar-e-m* 'дополняю, дополню', *kür-a-m* '(со)рву'; *o-t* 'ты не' и *ješar-e-t* 'дополняешь, дополнишь', *kür-a-t* '(со)рвешь'.

2. Окончание 3-го лица единственного числа отрицательного служебного глагола *ok* 'он не', факультативно употребляемого наряду с *oγe-š*, существенно отличается от соответствующих окончаний знаменательных глаголов, ср. *o-k* 'он не' и *ješar-a* 'дополняет, дополнит', *kür-e-š* '(со)рвет'.

3. Некоторые лично-числовые формы могут выступать в двух равнозначных и взаимозаменяющихся разновидностях: полной — *oγāna* 'мы не', *oγāda* 'вы не', *oγe-š* 'он не' и сокращенной — *ona* 'мы не', *oda* 'вы не', *ok* 'он не'.

4. В 3-м лице единственного и множественного числа фигурируют материально идентичные формы отрицательного служебного глагола, составляющие одну из отличительных особенностей глагольной системы горного наречия и волжского и йошкар-олинского говоров лугового наречия, ср. *o-k_lut*, горн. *a-k_lāt* 'не читает, не прочтет' и *o-k_ludep*, горн. *a-k_lādep* 'не читают, не прочтут'; *o-k_ješare*, горн. *a-k_uštare* 'не дополняет, не дополнит' и *o-k_ješarep*, горн. *a-k_uštarep* 'не дополняют, не дополняют', ср. также соответствующие формы, встречающиеся в восточном наречии и во многих говорах лугового наречия, *o-k_lut* и *o-γāt_lut*, *o-k_ješare* и *o-γāt_ješare*.

5. Наконец, в отличие от знаменательных глаголов, имеющих в корневой части не менее двух звуков, корневая морфема отрицательного глагола характеризуется только гласным *o*, в диалектах чередующимся с *a*.

Наблюдения над рассматриваемыми формами диалектов марийского языка позволяют сделать предварительные выводы о путях их исторического развития.² Исходными в историко-генетическом плане, по

¹ И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола 1970, стр. 150.

² О генетических вопросах отрицательных глагольных форм настоящего-будущего времени см. И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола 1964, стр. 153—154. Однако присоединиться к его точке зрения по этому вопросу мы не можем.

всей видимости, следует признать наиболее простые и прозрачные по структуре формы *ot* 'я не', *ot* 'ты не', *ok* 'он не', *ona* 'мы не', *oda* 'вы не', в которых — за исключением *ok* — окончания, отражавшие лицо субъекта действия, присоединялись непосредственно к глагольному корню, состоявшему из одного звука, и начальный корневой *o* восходит к прафинно-угорскому (ср. манс. *at lavi* 'не придет'), в крайнем случае прамарийско-мордовскому заднерядному *a*³, ср. эрз. *a molan* 'не иду', *a molat* 'не идешь', *a moldano* 'мы не идем', *at molan* 'не иду', *aj molan* 'не иду', мокш. *af molan* 'не иду' и др.⁴

В форме же 3-го лица *ok* 'он не', как можно предполагать, основа отрицательного глагола *o-*, осложненная прафинно-угорским формообразовательным суффиксом настоящего-будущего времени⁵, обошлась, как и в формах 3-го лица утвердительного спряжения этого времени, без специального материально выраженного личного окончания.⁶ Следовательно, в современной форме *ok*, стоящей особняком в общей системе глагольных форм, окончание *-k* генетически было связано с формообразующим (временным) суффиксом и лишь позже, расширив свое изначальное значение, приобрело личное значение настоящего-будущего времени.

Дальнейшие пути образования лично-числовых форм отрицательного глагола гипотетически восстанавливаются следующим образом. В более позднее время выработалось новое структурное средство обозначения 3-го лица *oye-š* 'он не'. Непосредственной причиной возникновения этого нового способа послужила близость, вернее тождество грамматических значений, выражаемых отрицательными и утвердительными формами, т. е. *oke-š* (в интервокальном положении >*oye-š*) возникла под аналогическим воздействием формы 3-го лица глаголов I спряжения (например, *tole-š* 'приходит, придет'), оформившейся тоже сравнительно поздно.⁷

С течением времени начальная часть *oy-*, развившаяся из *ok-*, под влиянием формы 3-го лица единственного числа *oye-š* могла быть осознана как корень и к ней при посредстве слогаобразующего гласного стали присоединяться те же лично-числовые окончания, что и в прежнее время, возникшие, как установлено в финно-угроведении, на базе энклитического употребления местоимений 1-го и 2-го лица, а затем срастания их с основой глагола (*-m* < **-me*, *-t* < **-te*, *-na* < **-ma*, *-da* < **-ta*). В результате этого образовались формы *o-γ̆m*, *o-γ̆t*, *o-γ̆na*, *o-γ̆da*.

Относительно формирования формы 3-го лица множественного числа *o-γ̆t* 'они не' допустимо следующее толкование. Эта форма, свойствен-

³ Ю. Тойвонен относит происхождение корневого *a-o* к *e*, ср. фин. *ei* 'нет' (SKES I 33).

⁴ В. С. Щемерова, К вопросу об *a*-овой основе глагольного отрицания в мордовских языках. — СФУ VIII 1972, стр. 173.

⁵ См. E. N. Setälä, Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen, Helsinki 1887 (JSFOu II), стр. 63—64.

⁶ Эрзянские неспрягаемые отрицательные слова *a*, *at*, которые присоединяются аналитическим способом к знаменательным глаголам, по своему происхождению восходят к древнемордовской форме 3-го лица, представлявшей собой, по предположению А. Клемма, как и марийская форма 3-го лица единственного числа, звуковой комплекс **ak* (в котором *k* признается также за показатель настоящего времени); см. А. Клемм, A mordvin tagadó és tiltó szerkezetek története. — NyK XXVIII 1898, стр. 385.

⁷ См. Г. И. Лаврентьев, К вопросу об историческом развитии глагольной формы 3-го лица настоящего-будущего времени в марийском языке. — СФУ VIII 1972, стр. 187—191.

ная многим марийским диалектам и потому легшая в основу нормы литературного языка, развилась путем сращения соответствующей краткой формы единственного числа *ok* с древним формообразующим именным суффиксом множественного числа *t*, при этом естественно выработался слогообразующий элемент перед *t*.

Диалектные формы типа *o-k_luder* 'не читают, не прочтут', отличающиеся от соответствующих форм единственного числа наличием звуко-сочетания *-er* в абсолютном конце знаменательного глагола (ср. *o-k_lut* 'не читает, не прочтет'), обязаны своим происхождением аналогическому воздействию отрицательных форм так наз. первого прошедшего времени (например, *ə-š_luder* 'они не читали, не прочитали'), которые издавна характеризовались наличием *p ~ β*-ового суффикса, восходящего своими корнями к финно-угорскому суффиксу отглагольного имени *-*p*.

Северо-западная форма типа *ayer_tol* 'не приходят, не придут', на наш взгляд, представляет собой контаминированное образование, т. е. в данном случае имело место скрещение формы горного наречия *a-k_tolep* и формы некоторых луговых диалектов *o-γāt_tol*. В результате контаминации этих форм аффиксальная часть отрицательного глагола *-āt*, характерная для лугового наречия, замещается суффиксом *-er* горного наречия, при этом суффикс *-er*, изменив место расположения, стал присоединяться к отрицательному глаголу. Что же касается других северо-западных форм *abet kantā*, *ayer kantā* 'не приносят, не принесут', то от форм основных говоров марийского языка (ср. *o-γāt_kondo*) они отличаются только фонетически. Чередование *a ~ o*, *γ ~ β* в них — явление, довольно широко распространенное в марийских диалектах, ср. *əβāta-n ~ aγāta-n ~ aβuta-n ~ aγuta-n* 'петух', *a-βār ~ aβu-r ~ aγu-r* 'омут'.

В образовании формы 3-го лица множественного числа не осталась безучастной и полная форма *oye-š* 'он не', присоединившая к себе суффикс *-er*, который к тому времени, утратив свое первоначальное деривационное причастное значение, принял на себя формообразовательную функцию, т. е. функцию выражения значения множественного числа, ср. *oye-šer* 'они не' и *oye-š* 'он не'.

В этой связи отметим, что прафинно-угорский суффикс отглагольного имени *-p* принял участие также в образовании формы 3-го лица множественного числа *oye-p* 'он не' от краткой формы 3-го лица единственного числа *ok* 'он не'.

Что касается места расположения суффикса *-er* в приотрицательной форме глагола (*o-k_tolep* 'не приходят, не придут'), то оно, по всей вероятности, было вызвано ассимилятивно-обобщающим воздействием глагольных форм 3-го лица множественного числа первого прошедшего времени типа *tole-βe* 'они пришли'. Во всяком случае следует отметить спонтанный характер перехода суффикса множественного числа из отрицательного глагола в знаменательный (если этот переход действительно имел место). Можно с полной уверенностью утверждать, что эта инновация не была обусловлена посторонним воздействием расположенных вблизи тюркских языков, в которых отрицательная форма глагола строится совершенно по другой модели.⁸

Сами же знаменательные глаголы — в зависимости от их принадлежности к разным спряжениям — в абсолютном большинстве лично-числовых форм в современных марийских диалектах оканчиваются либо на

⁸ Р. С. Газизов, Сопоставительная грамматика татарского и русского языков, Казань 1959, стр. 153—160; Материалы по грамматике современного чувашского языка, Чебоксары 1957, стр. 187—202.

согласный (I спряжение), либо на гласные *-e*, *-o*, *-ö* или *-ä*, *-ə* (II спряжение). С генетической точки зрения дело обстояло несколько иначе: формы знаменательных глаголов, по первоначальному состоянию тождественные с их основами, оканчивались ранее на индифферентный к гармонии гласных *-e* или *-a* (а также *-ä*). На протяжении многовекового развития марийского языка эти конечные гласные непроизводных двусложных глагольных основ подверглись значительным изменениям, в результате которых конечный сравнительно узкий *e* вообще утратился, не оставив в отрицательной форме никакого следа, а конечный широкий *a* (а также *ä*) глагольных основ через промежуточную ступень количественно-качественной редукции видоизменился и в соответствии с выработавшейся в сравнительно позднее время лабиальной гармонией гласных в луговом и восточном наречиях стал звучать как *e*, *o*, *ö* (а в горном и северо-западном наречиях развитие *a* остановилось на ступени редукции и он стал звучать как *ä* или *a*).

Все это не противоречит основной линии развития конечных гласных двусложных имен более раннего периода, в которых первоначальный *a* (а также *ä*) редуцировался, а затем развился в основном в гласные *e*, *o*, *ö*, изначальный *e* в большинстве случаев утратился⁹, например: древнемар. **tuna* 'яйцо' (ср. фин. *tuna*, эст. *tuna*) > диал. *tu-no*, *tu_o-no*, *tänä*, *tu-nä* и древнемар. **kanta-* 'принести' (ср. фин. *kanta-*, эст. *kanda-*) > диал. *ka-ntä*, *ka-ndä*, *ko-ndo*, *ko-ndä*, но древнемар. **lume* 'снег' (ср. фин. *lumi*, эст. *lumi*) > диал. *lum*, *lu_om*, *läm* и древнемар. **töle-* 'идти' (ср. фин. *tule-*) > мар. *tol*. Редукция исходных гласных обусловлена, конечно, нахождением ударения во всех этих случаях на начальном слоге.

Процесс редукции конечного гласного основы отрицательного глагола, по всей вероятности, проходил в два периода: прежде всего редуцировался и затем вовсе утратился в произношении конечный *e*, а затем наступила новая волна редукции, которая захлестнула конечные гласные основ на *-a* (а также *-ä*), в результате чего гласные *a* и *ä* изменились в количественном и качественном отношении, однако дело не дошло все же до полного исчезновения конечного гласного. Мы никак не можем себе представить, чтобы *a* подвергался редукции еще в то время, когда редуцировался конечный *e*. Если бы эти процессы проходили в одно и то же время, то судьба конечных *e* и *a* была бы одинаковой, т. е. они оба в определенных условиях и в определенную эпоху утратились бы. Однако этого не произошло. Следовательно, редукция конечного безударного *a* не могла возникнуть одновременно с редукцией и последующим исчезновением гласного *e*, находившегося в конце знаменательного глагола.¹⁰

Из сказанного следует, что среди отрицательных глагольных форм настоящего-будущего времени в диалектах марийского языка выделяется лишь форма 3-го лица множественного числа, служебный отрицательный глагол как вне связи со знаменательным глаголом, так и в сочетании с ним характеризуется своеобразными лично-числовыми окончаниями и корневой морфемой. Очевидно также то, что система отрица-

⁹ E. Itkonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. — FUF XXIX 1946, стр. 231—233; Л. П. Грузов, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола 1969, стр. 136—137.

¹⁰ Аналогичной точки зрения придерживается Э. Итконен; см. E. Itkonen, Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems. — Commentationes fenno-ugricae in honorem Paavo Ravila, Helsinki 1962 (MSFOu 125), стр. 100.

тельных глагольных форм настоящего-будущего времени развивалась в направлении некоторого усложнения отрицательного глагола. На этом пути имели место морфологический процесс аналогии и переосмысления и разнообразные фонетические преобразования.

G. I. LAVRENTJEV (Joškar-Ola)

DI E VERNEINENDEN VERBALFORMEN DES PRÄSENS-FUTURS IM MARISCHEN

Die verneinenden Verbalformen des Präsens-Futurs bestehen aus der konjugierten Form des verneinenden Hilfsverbs und der unflektierten Form des Vollverbs (*o-m tol* 'ich komme nicht, ich werde nicht kommen', *o-t tol* 'du kommst nicht', *o-k tol* ~ *o-pe-š tol* 'er kommt nicht', *ona· tol* ~ *o-γāna· tol* 'wir kommen nicht', *oda· tol* ~ *o-γāda· tol* 'ihr kommt nicht', *o-γāt tol* 'sie kommen nicht'). In den Dialekten gibt es Unterschiede in der Form der 3. Person des Plurals, vgl. *o-γāt tol*, *o-k tolep*, *a-k tolep*, *ašet* (~ *ašet* ~ *ašep*) *tol*.

Das verneinende Verb kann auch ohne Verbindung mit dem Vollverb benutzt werden, dabei hat es folgende Formen: *o-γām* 'ich nicht', *o-γāt* 'du nicht', *o-pe-š* 'er nicht', *o-γāna·* 'wir nicht', *o-γāda·* 'ihr nicht', *o-γāt* ~ *o-pe-šep* (~ *o-pe-p*) ~ *a-šep* ~ *ašet* (~ *ašet* ~ *ašep*) 'sie nicht'.

Vom historischen Standpunkt aus sind die einfachsten Formen *om*, *ot*, *ok*, *ona*, *oda* die ursprünglichen, in denen der Vokal *o* auf *a* zurückgeführt wird. In der Form *ok* 'er nicht' hat der Stamm *o*, dem das Suffix *k* des Präsens angeschlossen ist, keine Endung. In den anderen Formen treten zum Stamm die Endungen der I. und 2. Person.

Später entwickelte sich unter dem Einfluß der Verben vom Typ *tole-š* 'er kommt', *ok+es* > *o-pe-š* 'er nicht'. In *o-pe-š* wurde später *o* als Wurzel aufgefaßt, und ihr wurden die Endungen angefügt, vgl. *o-γām*, *o-γāt*, *o-γāna·*, *o-γāda·*.

Die Form *o-γāt* entstand aus *ok* + Suffix *t* des Plurals. Die Form *o-k lušep* 'sie lesen nicht' entstand nach Analogie der Form *āš lušep* 'sie lesen nicht', in der **-p* das Suffix des deverbalen Nomens war. Die nordwestliche Form *ašep tol* ist das Ergebnis der Kreuzung der Form des Bergdialekts *a-k tolep* mit der Form des Wiesendialekts *o-γāt tol*. Die Form *o-pe-šep* 'sie nicht' entstand aus *o-pe-š* + das Suffix des deverbalen Nomens **-p*.

Die Vollverben im Bestand der verneinenden Formen, deren Stamm auf einen Konsonanten auslautet (als Folge des Schwunds von **e*), gehören der I., die auf einen Vokal (*e*, *o*, *ō*, *š*, *ə* < **a*) auslautenden der II. Konjugation an. Der Vorgang der Reduktion des auslautenden Vokals verlief in zwei Etappen: zuerst wurde das *e* reduziert und schwand, später entwickelte sich das *a* infolge der Reduktion zu *e*, *o*, *ō*, *š* oder *ə*.